

Алексей Дударев: «Я живу в придуманном мире!»

Алексея Дударева стали называть «живым классиком» белорусской литературы давно. Задолго до того, как по его сценарию были сняты любимые миллионами «Белые росы». И уж точно раньше, чем пронзительные пьеса «Вечер» и баллада «Рядовые» покорили театры по всему Союзу. Даже Государственную премию СССР драматург получил — немислимо! — в 35 лет.

«О! Дударев!»

Возможно, именно потому, что слава и востребованность пришли к нему так рано, Алексей Ануфриевич относится к ним спокойно, с юмором. Поболтать с ним об этом и не только мне довелось на Республиканском фестивале национальной драматургии им. В.И. Дунина-Марцинкевича в Бобруйске, где Дударев возглавлял жюри.

— Вот представь: вечер, темно... — отвечая на вопрос о собственной успешности, делится историей он. — Гуляю по Минску, дышу воздухом. На голове — капюшон. Остановился перед афишей Купаловского театра. Вдруг слышу сзади девичий голос: «О! Дударев!» Думаю: так, кто это меня со спины, да еще в таком виде узнал? Но хватило ума не поворачиваться, почувствовал — обращаются не ко мне. Сделал шаг в сторону и только потом оглянулся. Оказывается, девушки просто изучали и обсуждали театральный репертуар. Если бы я им горделиво представился, они бы, наверное, отреагировали: «Ну да — ну да, скажи еще, что он у тебя шофером работает!» Так что ни в какой контакт вступать не стал. Пошел дальше. Правда, гордый собой. Но ненадолго... Я по жизни не уверен в себе. Чувство удовлетворения есть, да. А вот стоит сесть за стол, положить перед собой чистый лист бумаги — и все по новой. Как будто и не писал ничего до этого.

Кого потеряла белорусская армия?

Трудно себе представить, но тонкий и глубокий Алексей Ануфриевич мог и вовсе не стать драматургом. Еще в детстве он мечтал о карьере военного. Если вы читали его произведения, то знаете — в них много патриотизма. Но не пафосного, высокопарного, а настоящего. Именно так, наверное, должен любить Родину тот, кто ей служит. Поэтому на поприще, о котором герой материала, будучи мальчишкой, грезил, уж наверняка бы он преуспел.

Однако вооруженные силы страны в лице драматурга Дударева, а не военного Дударева только приобрели. Помимо ряда мощных тематических пьес наш знаменитый земляк какое-то время руководил Драматическим театром белорусской армии. Ушел сам. По возрасту (сейчас ему 67 лет). Его пьесы, меж тем, как шли на сцене ДТБА, так и продолжают идти. Как, впрочем, и в других театрах Беларуси.

— Учитывая, сколько всяких-разных режиссеров — в том числе и считающих себя новаторами — ставили ваш материал, немудрено, если

порой получалось так себе. Злились, раздражались когда-нибудь из-за этого?
— интересуюсь я.

— Не поверишь — ни разу! Уровень спектаклей, конечно, разный. Это естественно. Но так, чтобы мои пьесы переворачивали с ног на голову, не было. Не то, что я не позволяю — содержание не позволяет. В тех произведениях, что создаю, стремлюсь, чтобы было как можно больше любви. Это самое главное. Хотя кто-то считает, что пишу сказки. Ну и пожалуйста! Я вообще думаю, что лучше жанра, чем сказка, человечество еще не придумало и не придумает.

Скажи, кто твой друг...

Если бы не судьба, в титрах к фильмам фамилию Дударева мы могли бы видеть в перечне снимавшихся, а не сценаристов. По первой профессии он актер. Одно время даже работал в ТЮЗе, но ушел в завлиты, а затем на «Телефильм», где познакомился с режиссером Валерием Басовым, который экранизировал его первые киносценарии.

— Об Алексее я услышал от художника киностудии В.Матросова, — читаем в эссе писателя Георгия Марчука. — «Классную пьесу написал актер ТЮЗа Дударев о танкистах, которые погибли, спасая человека, а потом вроде уже после смерти проживают свое время. Запомни его — Дударев. Он еще всем-всем покажет». Я запомнил. Если у меня до этого были друзья-товарищи, которые были значительно старше меня, то Алексей был на три года моложе. Это придавало азарта нашему знакомству. Он как-то игнорировал заседания секции драматургии в Союзе писателей. Это был одинокий волк, одинокий дуб в поле.

Здесь позволю себе с уважаемым литератором не согласиться. Друзей у Алексея Ануфриевича хватает. Даже во время нашей беседы на театральном форуме в Бобруйске он то и дело к ним мысленно возвращался. В том числе к тем, кого уже нет в живых.

— Символично, что нынешний фестиваль Дунина-Марцинкевича проходит в месяц памяти двух наших корифеев, близких мне людей (общалась с драматургом я в минувшем ноябре — авт.). Первый — Андрей Макаенок. Тридцать пять лет прошло, как закончился его земной путь. Он мой друг, мой учитель. Я невероятно горд, что был с ним знаком! Похваляюсь. Когда Макаенок прочел мою первую пьесу, то радовался, как ребенок. Я тогда этого не понимал. Сейчас смотрю на молодых и, к сожалению, понимаю... Второй — режиссер Валерий Раевский. Им поставлены практически все пьесы, которые я написал. Тот же «Вечер» — он его назвал «Реквием» — до сих пор идет на сцене Национального академического театра имени Янки Купалы. Я счастлив этому.

Мир фантазий

— *Алексей Ануфриевич, над чем сейчас работаете?*

— А я тебе не признаюсь. Когда закончу — пожалуйста, а пока... Могу рассказать о том, что доделал. Недавно вот пьесу дописал «Пес белого

острова». Кстати, в могилевский театр уже ее переслал — пусть теперь там решают, что с ней придумать.

— *Наверное, вам тысячу раз этот вопрос задавали, но не могу не спросить: что вас на творчество-то вдохновляет?*

— Писать — это моя профессия. Я по натуре человек ленивый. «Ни дня без строчки» — это точно не мой девиз. Исповедую скорее толстовский принцип: можешь не писать — не пиши, а все, что должно быть написано, — напишется.

— *Ну не верю... Мне кажется, чтобы создать ту же «Черную панну Несвижа» или «Не покидай меня», надо очень сильно гореть своей работой!*

— Одно другому не мешает... На самом деле, я всегда любил жить в придуманном мире. В прошлом, в истории, в фантазиях. Это не есть хорошо — нормальный человек привязан к реальности. Однако именно это помогло мне стать тем, кем я стал.

Ольга СМОЛЯКОВА